

Юрий Силантьев

«За заслуги перед Ленинским комсомолом в деле коммунистического воспитания молодежи, большой вклад в развитие советского музыкального искусства, активную пропаганду песен о комсомоле и молодежи занести в Книгу почета ЦК ВЛКСМ и наградить ценным подарком художественного руководителя и главного дирижера эстрадно-симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио, народного артиста СССР, лауреата премии Ленинского комсомола Юрия Васильевича Силантьева».

(Из постановления бюро ЦК ВЛКСМ от 11 апреля 1979 года).

Он никогда не мечтал быть дирижером. Он просто любил музыку. Первый раз она понастоящему потрясла его 55 лет назад.

В Краснодаре казачий симфонический оркестр давал концерт. Это событие. Родители, взяв с собой сына, и не думали, что этот вечер решит судьбу маленького Юры. Они были удивлены, когда он, непоседа, «открыв рот», ловил каждый звук, летевший со сцены. Первая его мысль после концерта: достать скрипку и играть, играть... Как играли только что. Он измучил родителей просьбами, и скрипку купили.

Когда смычок прошел по струнам, собака во дворе жалобно завyla, кто-то заглянул в дверь узнать, что случилось, а отец улыбнулся и сказал: «Вот уж не думал, что такой нежный инструмент может так скрежетать». Таков был первый звук.

И, наверно, хорошо, что он был таким душераздирающим, ибо домашние, видя беспредельную любовь сына к этому инструменту и не желая больше сходить с ума от подобной игры, пригласили в дом педагога. Так в семье Силантьевых частым гостем стал местный скрипач, воспитанник Петербургской консерватории Михаил Давыдович Керлиан.

В 1935 году, окончив десятилетку, Силантьев едет в Москву поступать в консерваторию. Обычно туда брали после окончания специальной музыкальной школы. Но было сделано исключение. Он с блеском сдает все экзамены, и его зачисляют на первый курс консерватории по классу скрипки. Можно сказать, что здесь ему страшно повезло. Его учителем стал замечательный педагог, скрипач А. И. Ятновский.

Как вспоминает Юрий Васильевич, занятия были для него радостью. Сам же педагог говорил своим коллегам: «Быть этому дарю на золотой доске». А имя на «золотой» доске, рядом с именами Рахманинова, Скрябина... — это высшая оценка способности для студента консерватории.

Слова знаменитого скрипача оказались пророческими. В Малом зале, в фойе, вы найдете на мраморной доске высеченную золотыми буквами фамилию «Силантьев».

Казалось, все в высшей степени удачно: жизнь прекрасна, выбор сделан правильно. Но — война...

В осажденном Ленинграде молодой музыкант играл в составе симфонического оркестра ансамбля Центрального клуба имени Дзержинского. Это была его первая творческая командировка. Четыре месяца работы с утра до позднего вечера. Днем — госпитали, вечером — клубные площадки. Голод. В помещениях холодно, стынут пальцы. Но музыка рвется в зал.

Как-то в одной из частей должен был состояться концерт. К Силантьеву подошел администратор: «Дирижеров не хватает. У вас в консерва-

тории преподавали это дело, так что давай! Концерт должен быть». Вот так, совершенно неожиданно для себя, скрипач Силантьев стал дирижером симфонического оркестра.

С тех пор прошло много лет. Много труда положено для того, чтобы стать тем, кто он есть сейчас. Сегодня этого человека знает почти каждый. Ни один фестиваль музыки не обходится без участия эстрадно-симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио под управлением Юрия Силантьева.

А ведь он себя для эстрады никогда не готовил. Много лет работал концертмейстером и дирижером больших и малых симфонических оркестров. Потом его пригласили на радио, в коллектив, который назывался эстрадно-симфоническим и который занимался не только песней, но и крупными музыкальными формами: ораториальной, оперной, оперетной и симфонической.

— Юрий Васильевич, как вы оцениваете современную советскую эстраду?

— У нас талантливая молодежь! Может быть, еще маловато талантов для такой огромной страны, как наша, но это уже другой вопрос. Если мы, например, сравним с Венгрией, где, кстати, очень много эстрадных певцов, то для нее такого количества исполнителей, как у нас, хватит с избытком, а для нас — явно недостаточно.

— Что вы цените в песне?

— Прежде всего — творческий подход к песне. И главное — четкое, ясное воплощение исполнительского замысла.

— Перед вами новая партитура. Что вас в ней интересует прежде всего?

— Во-первых, концепция или замысел автора в данной партитуре, во-вторых, технические возможности моих музыкантов. И еще для меня главное — мелкие детали, они играют, как это ни странно, очень большую роль, с них-то и начинается самая работа. Слежу, чтобы музыканты играли точно. Если написано три пиано, так надо добиться, чтобы играли три пиано. То есть, чтобы «технология» игры была полностью отработана. Все остальное уже вопрос таланта оркестра и дирижера.

— В тридцатые годы существовал такой симфонический ансамбль — Персимфанс, который играл самостоятельно, без дирижера. И что интересно, музыканты работали в разных местах — кто в Большом театре, кто в оркестре филармонии. Они просто собирались и играли. Значит, оркестр может обойтись без дирижера?

— В чем была сила Персимфанса? Каждый музыкант чувствовал грандиозную ответственность. В Персимфансе были собраны лучшие музыканты столицы. Это был сильный состав. Там никто не полагался на дирижера, на то, что будет играть в том ритме, который ему предложат. Музыкант обязан был внимательнейшим образом слушать соседа.

Конечно, если говорить о таком объединении, то его нельзя не приветствовать. Но сама жизнь показала, что этот коллектив нежизнеспособен. Он строился только на энтузиазме. А ведь жизнь музыканта «полосатая»: то колоссальные взлеты, то «ровность». Вот этого «ровно» они, наверно, и не выдержали...

Ю. ФИЛИНОВ.